

Насилие не ведёт к добру

Децентрализация управления собственностью Академии неизбежна и нет ни малейших оснований её пугаться. Эпитет «академический» и его производные в сочетании с учреждениями, принципами или свободами во всем мире относят не только к сфере науки, но и к сфере образования. Управление собственностью высшей школы даже в нашей стране десятилетиями осуществляется совсем иначе, чем в Академии наук, и никто не считает, что это ограничивает академические свободы и привилегии в образовании. Полезно также напомнить апологетам консерватизма, что качественный скачок в развитии науки на востоке нашей стране был неразрывно связан с децентрализацией управления тогдашней Академией и ее собственностью. Сибирское отделение финансируется отдельной строкой уже 50 лет, что никоим образом не послужило во вред науке и академическим свободам.

Наука, Академия наук и система управления Академией совсем не одно и то же. Развитие науки в стране не сводится ни к сохранению прерогатив и полномочий начальников, ни к консервации схем собственности. Нет никаких оснований переживать по поводу предложений о реформировании систе-

мы управления фундаментальной наукой и собственностью Академии наук. Необходимо отнестись к проблеме с обычными серьёзностью и критичностью науки. Импульсы к переменам должны шире идти из самой научной среды.

Приведенные два абзаца взяты из моей статьи в газете «Наука в Сибири» № 31—32, опубликованной в августе 2006 года. Мне эти суждения кажутся актуальными и сегодня, что не лучшим образом характеризует нашу общую способность к самоорганизации. Однако сегодня речь пойдет о другом.

Почти стихли начальные причитания союзников реформы РАН сверху из числа учёных о том, что, мол, нехорошо в такой омерзительной форме такое хорошее дело делать. Сколько раз все слышали и читали, что это, конечно, дело не МОН и уж, точно, не пропаганда чиновничьего подхода к науке и апологетика МОН через соучастие в декоративных советах. Реформа в принципе — вещь более чем хорошая, и это научному сообществу долго говорили. Вольно было коллегам не понять и не присоединиться к чиновникам, а не солидаризироваться со своими учителями и старшими товарищами по научному цеху. Теперь будете подчиняться — сами виноваты, что не приняли наших объяснений. При пло-

хой игре делают хорошую мину сторонники властной реформы, пытающиеся отмазать себя от ненадуманных обвинений в соучастии в гадостях. Между тем о сделанном хорошо обычно не сожалеют. Тут и МОН, и его союзники, кто по должности, а кто по духу, примеры впечатляющие подают. Фельдфебеля в Вольтеры — это чиновничье, а не армейское вовсе.

Записные критики властей не отличаются от её апологетов, и их это мало смущает. Они видят свои мелкие отличия от чиновников, но игнорируют полное тождество с ними в главном — в общем презрении реформаторов к мнению большинства, которое никак не понимает, что ему лучше. Не столь примитивны ренегаты из научной среды, как их визави, встроенные в вертикаль управления. Однако по интенции и методе они тождественны в стремлении сделать добро недоразумкам силой, раз объяснить серой массе учёных разумное, доброе и вечное не удастся. В унисон звучит и от записных сторонников режима, и от редкой обоймы постоянных телевизионных оппозиционеров: «Реформа РАН необходима, и для этого сделано то, что сделано, так как иначе с консерваторами из РАН нельзя. Теперь всем настоящим учёным лучше будет. Вот увидите».

Между тем реформы никакой нет — есть силовая победа чиновников над академическим сообществом. Лозунги и аргументы пропагаторов реформы, если сбросить глянец и сдуть дымовые завесы, сводятся к одному: «Цель оправдывает средства». Объявленная цель — повышение конкурентноспособности РАН на мировом рынке. Средства — механизмы перехвата управления. Объявленная цель ложная и к науке отношения не имеющая. Цель науки — познание истины, получение, сохранение и передача знаний, а вовсе не конкурентноспособность. Цель науки и образования в России — безопасность и благоденствие нашей страны. Наука вне академических свобод под эффективным менеджментом спецслужб — ноухау времен Манхэттенского проекта и проекта Энормоз.

Если одни силой заставляют других — это называется насилием. Персонифицированное насилие — тирания. Вольно некоторым светочам управления и фронды в насилии и тирании совместно с властью имущими участвовать. Вольно и большинству академического мира, воспитанному в духе уважения к людям и к истине и на дух неприемлющего иезуитство и сервильность, делать из этого выводы.

С.С. Кутателадзе.